

**Н. К.
МИХАЙЛОВСКИЙ**

Николай Михайловский
О Ф. М. Решетникове

«Public Domain»

1880

Михайловский Н. К.

О Ф. М. Решетникове / Н. К. Михайловский — «Public Domain», 1880

ISBN 978-5-457-34146-3

«Решетникову в нашей литературе выпала довольно странная судьба. Критики самых противоположных направлений занимались им часто и охотно, но масса публики с начала и до конца его деятельности относилась к нему, сравнительно говоря, равнодушно...»

ISBN 978-5-457-34146-3

© Михайловский Н. К., 1880

© Public Domain, 1880

Николай Константинович Михайловский О Ф. М. Решетникове

Решетникову в нашей литературе выпала довольно странная судьба. Критики самых противоположных направлений занимались им часто и охотно, но масса публики с начала и до конца его деятельности относилась к нему, сравнительно говоря, равнодушно. Причина этого внимания критики и этого равнодушия публики заключается в сущности самого таланта Решетникова. Это талант тщательного и точного наблюдателя, а не талант художника. У Решетникова нет того умения группировать факты, которое составляет первый признак художественности, умения связывать эти факты путем органического соподчинения, а не механического сопоставления только. Его повести – своего рода литературные панорамы. Это ряд картин одинакового содержания, но друг от друга независимых, не объясняющих и не дополняющих, а только повторяющих друг друга. Каждая из этих картин представляет собою благодарный материал для исследования, для размышления, но к каким бы выводам вы ни пришли, сам автор тут ни при чем: он не влиял на вас ни в каком смысле и не несет никакой ответственности. Решетников в идейном отношении обыкновенно не поднимается выше каких-нибудь совершенно элементарных общих положений, вроде того, например, что «подлиповцев нельзя винить ни в чем». Для критики это не представляет неудобств: критика на то и критика, чтобы рассуждать о фактах самостоятельно, не ожидая и не требуя от автора помощи. Требования читателя, а русского читателя по преимуществу, совсем иные. Он ищет вывода, ждет поучения. В отношении *знания* предмета компетентность автора для читателя очевидна, в отношении *понимания* – читатель не согласится признать его авторитет, на который, впрочем, автор нисколько и не претендует. Несмотря на всю простоту и несложность обычных тем Решетникова, мало вообще писателей, которые бы более его нуждались в критических комментариях и разъяснениях.

Все это, однако же, отнюдь не значит, что Решетников относится к предмету своего изучения с бесстрастием и безучастностью натуралиста. Правда, он нигде не говорит о своей любви к народу, не впадает ни в лиризм, ни в пафос, не сочиняет никаких «жалких слов», но ведь истинное и сильное чувство всегда почти выражается в простых и даже грубоватых формах. Решетников любит народ просто потому, что любит его, любит стихийно, органически, почти бессознательно. Его любовь – та самая «странная любовь», которую воспел Лермонтов и которую действительно «не победит рассудок»^[1]. В этом отношении Решетников в ряду других народных бытописателей наших занимает совершенно самостоятельное место. Они эти бытописатели, в огромном большинстве, любят народ лишь постольку, поскольку находят в нем отражение своих идеалов, и любят лишь до тех пор, пока находят между этими идеалами и народною жизнью известную степень соответствия. Они любят в народе не его самого, а свою собственную идею, выработанную среди культурных условий, под их влиянием и с их помощью. Это не сердечная, а, если можно так выразиться, принципиальная, головная любовь, для которой народ не сам по себе цель, а только средство. Не то мы видим у Решетникова. По всей вероятности и даже несомненно, пища своих «Подлиповцев», он не имел за душою ровно никаких положительных теоретических идеалов. Ряд пожеланий отрицательного свойства – это, вероятно, все, что мог бы представить Решетников на вопросы читателя: как же быть с «подлиповцами»? чем им помочь? и каковы должны быть те формы жизни, при которых бы «поколения людей» не прозябали «бессмысленней зверей»? Кабы не били подлиповцев, не разоряли, не притесняли – «баско»^[2] было бы; дальше этого Решетников не идет, как не идут дальше этих желаний и сами подлиповцы. Отсутствие теоретического развития или, вернее сказать, отсутствие тех умственных привычек, которые неизбежны в каждом культурном человеке, составляет слабость Решетни-

кова как художника, как литератора и вместе с тем его силу как народного бытописателя. Он смотрит на народ не с высоты своих идеалов и не под углом той или другой доктрины – так можно смотреть на предмет, отделивши себя от него, отойдя на известное расстояние. А Решетников не с фиктивным, как Левин графа Толстого, а с действительным правом может сказать о себе: «Я сам народ». «Подлиповцы» (при нашей характеристике мы имеем в виду главным образом это первое по времени и первое по достоинствам произведение Решетникова) – это простодушный рассказ самих подлиповцев о своем житье-бытье, это, так сказать, автобиография Подлиповки. Решетников, как мы где-то читали, сообщал Некрасову, что он плакал, когда писал свою повесть. Эти слезы были слезами страдания, а не сострадания только. Пила и Сысойко, лежа на грязном полу полицейской кутузки, связанные и в кровь избитые, плакали точно такими же слезами. Любовь к народу «культурного» человека, хотя бы то и самого искреннего и гуманного, – совсем иная. Очищенная от всяких наслоений и рассудочных придатков, она в своем основном психологическом элементе является тем не высокого калибра чувством, благодаря которому учреждаются и какие-нибудь «общества покровительства животных». Общественное и литературное значение «трезвой правды» (выражение г. Тургенева^[3]) Решетникова было бы, конечно, очень невелико, если бы оно исчерпывалось отрывочными фактическими указаниями. Эта правда дает благодарный материал для некоторых общих и довольно широких заключений. Решетников дает читателю возможность довольно удобно ориентироваться среди противоположных тенденций современных писателей о народе. Сущность этих тенденций, конечно, не безызвестна читателю. Наша интеллигенция, без различия направления и поколений, всегда верила в народ, в его силы и в его будущее. Но ведь вера – не более как уверенность в невидимом, как бы в видимом, в желаемом и ожидаемом, как бы в настоящем. Для прочных идеалов, для точных расчетов – слепая вера слишком ненадежный фундамент. А что, если поэт был прав, если в самом деле народ «создал песню, подобную стону, и духовно навеки почил?»^[4] Вовсе не надо быть каким-нибудь Потугиным^[5], чтобы задаться этим вопросом. Напротив, чем живее любовь, тем мучительнее сомнения, чем шире идеал, тем естественнее опасения. Литература – надо отдать ей справедливость – обнаружила настолько мужества, чтобы поставить воистину этот «роковой вопрос» твердо, отчетливо, что называется, ребром. В массе разнообразных исследований народной жизни, вызванных такою постановкою, обнаружилось вскоре два главных, основных направления, которые мы для краткости назовем пессимистическим и оптимистическим, хотя сущность этих направлений далеко не исчерпывается этими терминами. Посмотрите, говорят одни, на мужика, оцените его неразумие, его непонимание своих собственных интересов, его бессилие перед эксплуатацией, его пассивную покорность всякой силе, будет ли то сила Дерунова или сила Грацианова^[6], его неумение отличать друзей от врагов, его умственную косность и пр. и пр. Посмотрите, говорят нам с другой стороны, какой привлекательный нравственный образ представляет собою русский крестьянин, сколько в нем глубокой и вместе с тем простой серьезности, сколько самородной силы и красоты. Какая цельность характера, какая непосредственность и естественность чувства, какой богатый запас бессознательной гуманности, какая способность и готовность к жертвам ради духовных, высших интересов. И пессимисты, и оптимисты подтверждают свои заверения фактами, картинками, образами, типами, наконец, цифровыми данными; и те, и другие не уступают друг другу в силе любви к народу, в искренности и горячности своих забот о его судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.